

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Саяпин В.О. Диалектика закрытости и открытости у Лумана: контраст с процессуальностью Симондона и плоской онтологией Латура // Философская мысль. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.8.75365 EDN: WQBNBC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75365

Диалектика закрытости и открытости у Лумана: контраст с процессуальностью Симондона и плоской онтологией Латура

Саяпин Владислав Олегович

ORCID: 0000-0002-6588-9192

кандидат философских наук

доцент, кафедра истории и философии; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ vlad2015@yandex.ru

[Статья из рубрики "Новая научная парадигма"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.8.75365

EDN:

WQBNBC

Дата направления статьи в редакцию:

01-08-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования выступает сравнительный анализ трех фундаментальных философских концепций, по-разному трактующих проблему онтологии границ, отношений и процессов в сложностных системах: теории социальных систем Н. Лумана (1927–1998) с ее диалектикой операциональной замкнутости и когнитивной открытости; процессуальной онтологии Ж. Симондона (1924–1989), акцентирующей непрерывную индивидуацию и радикальную открытость бытия; и акторно-сетевой теории Б. Латура (1947–2022) с ее принципом плоской онтологии, деконструирующей традиционные бинарности и границы. Целью статьи является выявление контрастов, точек потенциального пересечения и взаимодополнительности этих подходов в понимании динамики «закрытости» и «открытости» как конститутивных принципов существования систем, индивидов и ассамблежей, а также оценка их эвристического потенциала для осмысления сложности современного социального мира.

Методология исследования базируется на сравнительно-критическом анализе ключевых текстов: Лумана, Симондона и Латура. Основными критериями сопоставления выступают: (1) понимание природы и статуса границ системы/индивида/сети; (2) трактовка механизмов взаимодействия с окружающей средой/другими сущностями (операциональные, процессуальные, ассоциативные); (3) концептуализация агентности и отношений; (4) онтологический статус стабильности и изменчивости. Ключевым элементом является критическая рефлексия, направленная не только на внутренние противоречия каждого подхода, но и на двойную рефлекссию: как каждая теория могла бы интерпретировать положения двух других в рамках своей собственной логики. Актуальность исследования определяется необходимостью концептуального осмысления ключевых вызовов современности, характеризующихся гибридностью, нестабильностью и взаимозависимостью систем. Анализ диалектики закрытости и открытости приобретает критическое значение для понимания: 1) социальных трансформаций (цифровизация, глобализация, кризисы легитимности, формирование новых идентичностей и границ сообществ); экологического кризиса, требующего переосмысления взаимодействий социума, технологий и «природы» и актуализирующего ключевые вопросы: о границах человеческого/нечеловеческого и о динамике системных сред ; 3) развития науки и технологий, где управление сложными инновационными процессами и сетевая организация знания актуализируют роль процессуальности и ассоциативности. Сопоставление подходов Лумана, Симондона и Латура формирует эвристический аппарат для анализа этих сложностей, преодолевая дисциплинарные барьеры и предлагая альтернативы устаревшим бинарным схемам. Новизна заключается в сопоставлении этих трех влиятельных теоретических подходов именно через призму проблемы закрытости и открытости.

Ключевые слова:

Луман, Симондон, Латура, автопоэзис, коммуникация, индивидуация, трансдукция, плоская онтология, ирредукция, сеть

Введение

На фоне растущего онтологического плюрализма в социальных науках и философии, где современные мыслители [\[1,2,3,4\]](#) исследуют реальность за пределами традиционных оппозиций, контраст между системной замкнутостью и открытостью (Луман), доиндивидуальным становлением (Симондон) и полным отрицанием бинарности открытости и закрытости (Латур) обретает не просто теоретическую, но и экзистенциальную актуальность. Именно этот радикальный разрыв с самими основаниями дискуссии о границах и делает, во-первых, особенно актуальным и новым систематическое сопоставление трех парадигмально различных подходов (системная теория, процессуальная философия, акторно-сетевая теория) к проблеме открытости/закрытости, которое до сих пор не являлось предметом столь детального и сфокусированного анализа в отечественной литературе.

Во-вторых, новизна состоит в выявлении специфических точек напряжения и потенциальных зон диалога между этими теориями, которые обычно рассматриваются изолированно или попарно. Сравнение трех подходов выявляет их фундаментальные расхождения. В вопросе источника изменений: у Лумана динамика восходит к внешним возмущениям, интерпретируемым системой, тогда как Симондон видит причину в имманентном дисбалансе (напряжении) самого бытия, а Латур – в постоянной динамике

ассоциаций между акторами. Эти различия напрямую определяют статус границ: для Лумана границы суть конституирующий признак самой системы, без которой она немыслима. Симондон же трактует подобный признак как текущий результат процесса становления, а Латур – лишь как временный продукт текущих ассоциаций, лишенный фундаментальности. Наконец, сама онтологическая значимость оппозиции «закрытое/открытое» понимается радикально по-разному: Луман утверждает ее как основополагающую диалектику системного существования, Симондон рассматривает «закрытость» как вторичный эффект первичной открытости бытия («миг» метастабильности в бесконечном потоке становления), а Латур решительно отвергает эту оппозицию как устаревшую иллюзию, подлежащую «описанию сборок» в рамках преодоления модернистских бинарностей.

В-третьих, исследование демонстрирует интегративный взгляд на сильные стороны каждого подхода. Так, у Лумана обращается внимание на анализ самореференции, механизмы сложности и селективную адаптацию. У Симондона делается акцент на имманентном становлении, доиндивидуальных потенциалах и текучести бытия, а у Латура взгляд смещается на децентрализацию, гетерогенные ассоциации и эмпирическую трассировку связей, способствующих развитию более гибкой и релевантной системной философии. Такая философия, учитывающая как необходимость операционной определенности (Луман), так и непреложность процессуальности (Симондон) и множественность ассоциативных связей (Латур), оказывается лучше приспособленной для адекватного описания множественности и гетерогенности способов «бытия-в-отношениях» в сложностной [\[4,5,6,7,8,9\]](#) современности.

Автопоэзис как парадокс социальных систем: операционная замкнутость и когнитивная открытость у Лумана

Центральным элементом системной теории Н. Лумана является концепция «автопоэзиса» (самопроизводство, самосозидание), заимствованная из биологии [\[10,p.78\]](#). Социальные системы (экономика, право, политика) существуют благодаря тому, что они постоянно рекурсивно и контингентно [\[11,12,13,14\]](#) воспроизводят свои собственные элементы (коммуникации) и структуру исключительно через свои внутренние операции, будучи операционно замкнутыми. Это означает, что они реагируют не на мир напрямую, а только на свои собственные внутренне сгенерированные состояния. Парадоксальным образом именно эта операционная замкнутость является необходимым условием когнитивной открытости: система способна воспринимать среду и адаптироваться, но только на своих собственных условиях, перерабатывая внешние возмущения («шум») в соответствии со своей уникальной внутренней логикой. Как пишет Луман, автопоэзис: «...как жизни, так и сознания является предпосылкой образования социальных систем, что означает в том числе, что социальные системы могут осуществлять собственную репродукцию лишь в том случае, если гарантирована продолжительность жизни и сознания» [\[15,c.292\]](#).

Несмотря на свою операционную замкнутость, социальные системы не изолированы. Они находятся в состоянии экзистенциальной зависимости от среды. Это приводит к ключевому принципу Лумана: замкнутость и открытость не противоположны, а взаимно обусловлены. Замкнутость обеспечивает систему автономией и идентичностью, в то время как ее выживание требует восприимчивости к среде (открытости). Однако эта восприимчивость возможна лишь в той мере, в какой среда может быть «осмыслена» через внутренние операции самой системы. Более того, разные уровни автопоэтических систем (психические и социальные) совместно эволюционируют и функционально зависят друг от друга. Их операционная замкнутость не создает барьеров, а, напротив, делает

возможными сложностными взаимосвязями, так как их взаимодействия координируются и согласуются через их собственные замкнутые операции. Например, научное сообщество функционирует как операционно замкнутая система, где признание нового знания строго определяется его соответствием внутренним критериям (рецензирование, воспроизводимость, соответствие парадигме), а не прямым внешним воздействиям. При этом система когнитивно открыта, так как новые данные, технологии или социальные запросы из внешней среды могут стимулировать пересмотр теорий и методов, но исключительно через механизмы и логику самих этих внутренних научных процедур.

Все это позволяет лучше понять, почему категория «смысла» занимает столь важное место в методологии теории «социальных систем» у Лумана. Смысл у Лумана играет ключевую роль, потому что он связывает психику человека и социальные системы, не нарушая их способности к самовоспроизводству. Он действует как общий «язык»: позволяет индивидуальному сознанию участвовать в коммуникации, а коммуникации – влиять на сознание, поддерживая их взаимное существование. Это выходит за рамки понимания смысла просто как свойства человека. Структуры внутри систем (например, правила и нормы) упрощают сложность мира, отбирая релевантные возможности из неопределенного «поля смыслов». Именно взаимодействие автопоэтического воспроизводства (создающего неопределенность) и структур (упрощающих ее) позволяет системам существовать вместе. Система должна соответствовать среде. Если ее структуры не могут обработать изменения среды, система разрушается [\[16, p.48-50\]](#). В результате операционная замкнутость означает, что социальные системы работают только по своим внутренним правилам и используют лишь собственные операции (коммуникации [\[17, p.258\]](#)). Каждая система опирается на свой уникальный бинарный код [\[18, p.83-84\]](#) (например, истина/ложь в науке, законное/незаконное в праве), который служит фильтром для всех ее действий. Все, что не проходит через этот фильтр, становится для системы невидимым («слепое пятно»). Эта замкнутость – не изоляция, а условие выживания: она позволяет системе сохранять свою уникальность, отличать себя от хаотичной среды и постоянно воспроизводить себя через коммуникацию. Без такой «логической границы» система просто растворилась бы в окружающем мире.

Итак, операционная замкнутость социальных систем не означает их изоляции. Напротив, именно она делает возможной когнитивную открытость. Социальные системы постоянно сталкиваются с воздействиями из сложной внешней среды. Однако среда не диктует системе, как реагировать, она лишь «возмущает» ее. Система воспринимает эти возмущения исключительно через призму своих внутренних правил и ключевых различий. Например, научное открытие оценивается только как «истина» или «ложь», а не по политической значимости. То есть эта способность перерабатывать внешние возмущения в свою внутреннюю логику, а также потенциально приводя ее к адаптации, и есть когнитивная открытость. Она активна и избирательна: система «реконструирует» среду на своих условиях. В этой связи устойчивую связь между замкнутыми системами (например, экономикой и правом) обеспечивает структурное сопряжение [\[19, p.75\]](#). Это не прямой обмен, а взаимная настройка их структур, позволяющая предсказуемо интерпретировать воздействия друг друга как контракт, синхронизирующий ожидания бизнеса и закона. При этом структурное сопряжение у Лумана выполняет двойную роль в социальных системах. Во-первых, оно согласовывает коммуникацию с индивидуальным сознанием участников, позволяя гибко реагировать на их мысли и переживания. Во-вторых, оно запускает внутреннее развитие самой системы через рекурсивность: каждая коммуникация не просто отвечает на внешний импульс, но и создает основу для следующего шага. Этот цикл (восприятие сигнала → переработка → новый акт

коммуникации) образует самоподдерживающуюся цепь, способную в теории бесконечно усложняться (как «дискретная бесконечность» по Хомскому [\[20\]](#)). Хотя реальные системы имеют пределы, такой механизм позволяет им достигать значительной смысловой глубины через многоуровневые связи.

Таким образом, теория Лумана основана на парадоксе автопоэзиса: социальные системы могут существовать, только будучи операционно замкнутыми. Они воспроизводят себя строго по своим внутренним правилам (бинарным код), что обеспечивает их автономию и эффективность. Однако эта самая замкнутость создает их «слепое пятно». Системы буквально не видят мир за пределами своего узкого кода. Они не могут напрямую воспринимать сложность окружающей среды. Разрешение этого парадокса социальных систем всегда происходит через когнитивную открытость. Замкнутость заставляет системы внутренне реконструировать среду на своем языке (например, право видит экологический кризис через нормы ответственности и компенсаций, а не как катастрофу). Эта избирательная адаптация позволяет реагировать на внешние изменения, сохраняя замкнутость. Но парадокс остается: он одновременно источник силы и слабости общества.

Специализация систем позволяет эффективно обрабатывать сложность мира, но их узкая логика порождает «слепые» риски (как экологический кризис, который экономика создает, но не видит целиком). Ни одна социальная система не может полностью осознать или решить проблемы, возникающие на стыках ее деятельности с другими системами и миром, делая управление рисками перманентной и неразрешимой задачей, встроенной в саму структуру современного общества [\[21, p. 76-78\]](#). Эта фундаментальная ограниченность социальных систем проявляется в теории, описывающей их. Однако фундаментальное ограничение теории Лумана, согласно современным исследователям, заключается в ее «нормативной слепоте» и неспособности адекватно объяснить властные отношения и структурное неравенство. Как аргументирует немецкий социолог Х. Роза [\[22, p. 148\]](#), концепция функциональной дифференциации, где системы равноправны в своей операционной замкнутости, не учитывает иерархическое доминирование одних системных логик над другими. Например, экономический код «оплата/неоплата» систематически подчиняет себе логику политики (через лоббизм и долговое давление) или экологии (через приоритет прибыли над устойчивостью). Эта асимметрия порождает «структурное насилие», когда решения, продиктованные экономической эффективностью, деформируют социальную сферу или разрушают среду обитания, оставаясь «невидимыми» для правовых или политических систем в своей полноте из-за их замкнутых кодов. Теория не предлагает инструментов для анализа или преодоления такого доминирования.

Кроме того, пренебрежение материальностью и вызовы гибридизации – это другое ключевое направление критики касается пренебрежения материальным измерением и неадекватности понятия операционной замкнутости в условиях гибридной реальности. Б. Латур настаивает, что редукция социального к чистой «коммуникации» исключает из анализа нечеловеческих актантов: технологий, артефактов, природных сил, которые активно, совместно конструируют социальные связи. Климатический кризис – яркий пример «гибридного монстра» [\[23, p. 54\]](#), порожденного переплетением научных, экономических и технологических операций, но не улавливаемого адекватно ни одной из замкнутых систем в отдельности. Эту проблему усугубляет цифровая революция. Р. Брайдотти подчеркивает, что цифровые гибриды (алгоритмы, облачные платформы, Big Data) радикально размывают традиционные системные границы (например, между частным и публичным, экономикой и приватностью). «Слепые пятна» систем, такие как

алгоритмическая дискриминация в кредитовании или социальных сетях, не только невидимы для правовых кодов, но и становятся источниками системных коллапсов, так как их кросс-системные эффекты не могут быть обработаны в рамках лумановской модели [\[24\]](#).

Наконец, теорию Лумана критикуют за отсутствие нормативных оснований для разрешения конфликтов между системами и ее беспомощность перед лицом глобальных рисков. Ю. Хабермас указывает, что операционная замкнутость и отсутствие «метакода» делают невозможным содержательное согласование противоречивых системных императивов, например, экономического роста («оплата/неоплата») и экологической устойчивости (не имеющей бинарного кода). Теория описывает, как системы функционируют, но не дает ответа на вопрос, как они должны взаимодействовать при столкновении их логик, угрожающем обществу в целом. Управление рисками (экологическими, технологическими, финансовыми) оказывается перманентной неразрешимой задачей, структурно встроенной в дифференциацию. В эпоху антропоцена, где побочные эффекты одной системы (например, выбросы углекислого газа от экономики) становятся экзистенциальной угрозой для других (экосистем, здоровья) и целого, отсутствие в лумановской модели механизмов для межсистемной координации на основе общечеловеческих ценностей или долгосрочных интересов планеты выглядит как ее принципиальное ограничение [\[25\]](#).

Индивидуация против системности: процессуальная

открытость бытия у Симондона

Симондон отвергает традиционный взгляд на мир как на совокупность готовых индивидов или замкнутых систем. Такой подход, по его мнению, создает ложные противопоставления: индивид/среда, субъект/объект. Вместо этого он предлагает сделать процесс («индивидуацию») отправной точкой мышления. Индивидуация – это фундаментальная операция реальности, предшествующая любым метастабильным и динамичным структурам бытия [\[26, p. 24-26, 27, p. 31-33\]](#). Она представляет собой непрерывное становление, где любой «индивид» (кристалл, организм или технический объект) лишь временная фаза в разрешении напряжений доиндивидуального поля потенциалов [\[26, p. 28-30\]](#), а не конечный результат. Кроме того, индивидуация происходит через трансдукцию [\[27, p. 45-47\]](#) – процесс, при котором операция структурирования распространяется через «поле», разрешая напряжения и порождая структуру, не будучи заданной извне заранее. Иными словами, бытие для Симондона – динамическое поле процессов, где кажущаяся стабильность (вроде сформировавшейся личности или организации) лишь относительный этап в бесконечном потоке изменений. Этот процесс метастабилен: он содержит избыток энергии и постоянно готов к трансформации. Например, формирование личности в социальных сетях – не создание «готового» «Я», а постоянный процесс адаптации к новым связям, контенту и алгоритмам, где идентичность всегда «в работе». Следовательно, суть подхода Симондона – примат открытого процесса над закрытой системой.

Следовательно, процессуальная открытость является фундаментальной характеристикой бытия в онтологии Симондона. Бытие – это не совокупность замкнутых, самодостаточных сущих («систем»), а непрекращающееся становление, поток метастабильных состояний и трансформаций. Любой индивид несет в себе «доиндивидуальный остаток» как источник дальнейших трансформаций и связей с другими процессами. Его границы проницаемы, его состояние метастабильно. Эта открытость означает, что бытие по своей сути

незавершено, постоянно превосходит себя, порождая новые фазы индивидуации [\[28, p. 25-27\]](#). Эта динамика распространяется и на технические объекты [\[29, p. 11-15\]](#), которые также вовлечены в процессы становления и требуют понимания через их генезис и «техническую ментальность» с человеческими коллективами. Противостояние индивидуации и системности разрешается у Симондона в пользу признания системности лишь как временного и локального эффекта непрестанной открытой процессуальности самого бытия. Информация и коммуникация также выступают у него как операторы этой открытой процессуальности, а не как передача стабильных содержаний между замкнутыми системами [\[30, p. 89-92\]](#). Другими словами, подлинной реальностью является не система, а непрерывный процесс индивидуации. Эта концепция открытой процессуальности позволяет Симондону, например, проводя различие между трансиндивидуальным и собственно «естественной» формой социальности, сознательно избегать традиционную оппозицию человека и животного. Он считает такое противопоставление несостоятельным. Единственное различие, которое он допускает, заключается в том, что человек обладает более развитой психической способностью к символизации, что открывает доступ к более сложным психическим ресурсам.

Вместе с тем, согласно логике Симондона, коллективная фаза индивидуации, ответственная за порождение смыслов, представляет собой в его схеме вторую, фундаментальную фазу. Ее уникальность заключается в том, что она вводит принципиально иной режим бытия, радикально отличающийся от первой (физико-биологической) индивидуации. В этой связи, в отличие от физико-биологической фазы индивидуации, результатом которой становятся относительно замкнутые индивиды, жестко связанные со своей специфической ассоциированной средой, коллективная фаза индивидуации не производит «готовых» индивидов. Вот почему Симондон рассматривает физическую и биологическую фазы индивидуации как единый первый этап в процессе бытия. Именно поэтому проблема перехода внутри этой первой фазы (от физических систем к живым организмам) носит иной характер, нежели проблема перехода ко второй фазе (от биологического индивида к коллективу). Главное различие здесь заключается в степени процессуальной открытости. Физический индивид (например, кристалл) в ходе своего существования не обладает внутренней способностью к выходу за пределы своей изначальной формы индивидуации. Его бытие – это завершенный процесс роста в рамках заданных физических параметров. Он не участвует во «второй индивидуации». Его становление исчерпывается реализацией предзаданной структуры. Поэтому вопрос о переходе от физического уровня к биологическому уровню имеет в первую очередь эпистемологическое измерение. Он касается разграничения методов и категорий, применяемых в физических науках и науках о жизни. Подлинный онтологический скачок, связанный с принципиальной процессуальной открытостью бытия, происходит лишь при переходе к коллективной (второй) фазе. Эта вторая индивидуация характеризуется имманентной устремленностью к смыслопорождению и созданию новых, нередуцируемых к отдельным индивидам форм связи, что и составляет суть ее открытости. При этом, согласно Симондону, способность к коллективной фазе индивидуации присуща исключительно живым сущим, которая у них проявляется в процессе существования. Эта стадия предполагает лишь только индивидуализированные сущие, которые являются субъектами, а также благодаря внутренне присущему им «остаточному заряду» апейрона (доиндивидуального потенциалу) и вступают в отношения, трансформирующие их самих и реальность.

В этом случае на уровне коллектива проявляется ключевой принцип симондонианской онтологии отношений: отношения никогда не являются связью между заранее данными

терминами. Напротив, они суть, а именно взаимный режим обмена информацией и причинности внутри становящейся (индивидуирующей) системы [\[28,p.211\]](#). Коллективная сфера наиболее ярко раскрывает парадоксальность этого подхода, где коллектив не является продуктом взаимодействия «готовых» индивидов, а индивидуация коллектива есть отношение уже индивидуированных сущих. В итоге отношение не предшествует коллективу, а оно выражает саму операцию его становления. Для возникновения отношений требуется незавершенная процессуальная открытость – система, насыщенная метастабильными потенциалами: «Коллектив обладает собственным онтогенезом, своей операцией индивидуации, которая актуализирует доиндивидуальные потенциалы, сохранившиеся внутри уже индивидуированных сущих» [\[28,p.211\]](#).

Таким образом, концепция «индивидуации» у Симондона предлагает принципиально иной взгляд на процесс становления бытия, противопоставляя его жестким системным структурам. Его процессуальная онтология подчеркивает открытость и незавершенность бытия, где индивидуация предстает как непрерывный и динамичный акт самоорганизации, а не как фиксированный результат. Отсюда следует, что замкнутость у Симондона – это временное, относительное и метастабильное состояние. Это момент относительной устойчивости (квази-замкнутости) в непрерывном процессе индивидуации. Индивид (система) не является изначально замкнутым целым. Его кажущаяся целостность – результат текущей фазы становления, содержащей неразрешенные потенциалы. Абсолютная замкнутость невозможна и иллюзорна. Открытость же у Симондона – это онтологический принцип бытия. Это фундаментальное состояние доиндивидуального и трансиндивидуального поля потенциалов, из которого возникает и в котором протекает индивидуация. Границы текучи и постоянно переопределяются в процессе. Бытие уже изначально открыто, и оно есть не свойство системы, а характеристика самого процесса становления, его имманентная способность к трансформации и связи с более широкими контекстами. Это позволяет преодолеть традиционные дуализмы формы и материи, субъекта и объекта, открывая путь к более гибкому и многомерному пониманию реальности. В то же время противостояние индивидуации и системности у Симондона не следует воспринимать как абсолютный антагонизм. Скорее его философия указывает на диалектическую взаимосвязь между процессуальностью и структурой, где системность возникает как временный и неустойчивый эффект перманентного становления. В итоге симондонианская онтология не отрицает системность, но раскрывает ее вторичный и производный характер, утверждая примат процессуальности как фундаментального условия бытия. Такой подход позволяет переосмыслить традиционные метафизические категории и открывает новые перспективы для философского анализа сложных и самоорганизующихся систем.

Вместе с тем главное ограничение симондонианской онтологии, по мнению итальянского философа П. Вирно, заключается в игнорировании власти институтов, превращающих процессуальную открытость в инструмент контроля [\[31,p.91\]](#). Кроме того, упор на «доиндивидуальное поле» и «трансиндивидуальность» не учитывает, как устойчивые структуры (рынок, корпорации, государство) блокируют позитивную индивидуацию, искусственно поддерживая патологическую метастабильность. Яркий пример тому – precarious труд в сетевой экономике [\[32\]](#): работник цифровых платформ существует в состоянии перманентной незавершенности (гибкие контракты, отсутствие социальных гарантий), где его «потенциал» эксплуатируется для максимизации прибыли, а не для подлинного становления. Симондон не анализирует механизмы, через которые капитализм присваивает энергию индивидуации, лишая ее преобразовательного потенциала [\[31\]](#). Однако самый серьезный упрек теории Симондона – отсутствие

критериев для оценки кризисов. Хотя метастабильность – центральная категория его онтологии, теория не различает позитивную незавершенность (творчество, адаптацию) и патологическую (системный распад). В условиях антропоцена, где технико-экономические системы разрушают доиндивидуальное поле (климат, биосфера), сама возможность «разрешения напряжений» ставится под сомнение: экологический коллапс (кислотные океаны, вымирание видов) или цифровая сверхстимуляция, ведущая к «психической энтропии» (неспособности кристаллизовать смысл) представляют не фазы индивидуации, а необратимую деградацию, уничтожающую саму основу для новых индивидов. Без нормативных ориентиров теория не может определить, когда процессуальность переходит в самоуничтожение бытия [\[33, p.77\]](#).

Деконструкция бинарности: плоская онтология Латура и исчезновение границ

Хотя Латур знал работы Симондона, решающее влияние на его онтологию оказали Делез и Гваттари [\[34, 35, 36\]](#). Их критика «древовидного» мышления и концепция ризомы стали основой для его подхода. Это позволило Латуре в Акторно-сетевой теории (АСТ) деконструировать фундаментальные бинарные оппозиции (субъект/объект, общество/природа и др.), структурировавшие социальные науки. Он показал, что эти дихотомии – не отражение реальности, а продукт познавательных практик. АСТ же раскрывает динамику ассоциаций между гетерогенными акторами [\[23, p.1-5, p.23-25\]](#). При этом Латур отвергает редукционизм, который сводит сложные феномены к «истинной» субстанции. Для него вещи нельзя свести друг к другу [\[37, c.220\]](#). Отсюда его принцип ирредукции. В его онтологии гибриды (озоновая дыра, ГМО, климатический кризис) существуют не как части дихотомий (природа/культура, человеческое/нечеловеческое), а как неразложимые сплетения науки, политики, технологий и естественных процессов. Разделять их – значит разрушать сам объект. Мир состоит не из чистых сущностей, а из гетерогенных монад, требующих анализа на единой плоскости [\[38, p.375\]](#).

В данном контексте предлагаемая Латуром плоская онтология не просто стирает эти границы, а она радикально пересматривает саму природу социального, демонстрируя, как привычные бинарности возникают лишь как следствие определенных практик сборки мира, но не как его изначальные свойства. Исчезновение этих границ открывает путь к пониманию реальности как динамичной сети гетерогенных акторов, находящихся в постоянном процессе ассоциации и переконфигурации. Вот почему Латур начинает осмысление своей социальной теории с фундаментальной критики классической социологии. Он утверждает, что традиционная социальная наука, стремясь объяснить явления через абстрактные социальные силы (класс, структура, культура, система) совершает двойную ошибку. Во-первых, она исходит из предпосылки существования «социального» как отдельной, уже готовой сферы, которая воздействует на другие сферы (например, на природу или технологию). Во-вторых, она использует «социальное» как готовое объяснение, а не как проблему, требующую исследования. Поэтому латуровский подход не только раскрывает ключевую диалектику в понимании «социального», но и декларирует в его теории открытость процессов сборки, которые противостоят закрытости «готовых» категорий. Другими словами, плоская онтология Латура рассматривает «социальное» как незавершенный процесс постоянной сборки связей между акторами, где ни сущности, ни границы не предзаданы. Она отвергает априорные иерархии и категории, уравнивая все сущности: человек, вещь, микро-, макроуровень. Актором считается любая сущность, способная производить разницу, влиять на события и вступать в ассоциации, будь то дверь, микроб, закон или

алгоритм [\[38, p.371-372\]](#). Ключевой критерий – не природа, а действие. Это стирает границу человеческое/нечеловеческое: агентность распределена в сети [\[23, p.70-72\]](#).

Безусловно, Латур и отвергает идею, что «макро» (общество или система) существует как некая реальность над «микро» (индивидуальными взаимодействиями). Нет изначально малых и больших сущностей. Масштаб – это результат связей. Что-то становится «макро» (глобальным, устойчивым, могущественным) только благодаря работе по созданию и поддержанию длинных, прочных и мобильных сетей. Именно сети позволяют действию распространяться в пространстве и времени [\[23, p.172-177\]](#). При этом различие между локальным и глобальным представляет собой не онтологическую разницу уровней реальности, а разницу в плотности, протяженности и стабильности ассоциаций [\[39, p.798-799\]](#). Объекты, или акторы, по логике Латура, воздействуют друг на друга и опосредуют действия других объектов, формируя и поддерживая связи. Латур определяет этот непрерывный процесс опосредования как медиацию – специфическую работу акторов по установлению контактов и поиску путей соединения [\[40, c.22\]](#). Вот почему возникающие связи описываются метафорой сетей. Латур признает вдохновение делезовской концепцией ризомы [\[41, p.15\]](#), но подчеркивает, что, «...сеть – это инструмент описания, а не его объект» [\[37, c.184\]](#). Согласно этому подходу, все существа действуют, и любое действие может быть описано сетевыми методами. Ранняя версия АСТ воплощала имманентную установку: подобно тому, как у Гоббса нет ничего вне Левиафана, так у Латура нет ничего за пределами акторов и сетей. Впоследствии Латур ввел концепт плазмы, обозначающий то, что существует между установленными сетями. Развивая концепцию плазмы, Латур фокусируется на понятии «актор-сеть» (actor-network). Его ключевая характеристика – неопределенность, означающая, что «актор-сеть» – это не конкретный объект, за которым можно закрепить данную роль. Вместо этого мы всегда имеем дело с текущей конфигурацией взаимосвязанных объектов. Их свойства и способности актуализируются ситуативно «здесь и сейчас», что делает невозможной их фиксацию как стабильных сущностей. Помимо очевидной антиэссенциалистской позиции, такая онтология является глубоко реляционной. Она предполагает, что объекты конституируются через свои отношения и взаимодействия в рамках множества элементов сети. Как отмечает Г. Харман, объект исчерпывается своим присутствием для другого, и поэтому действие любого актора всегда обусловлено его связями в сети [\[40, c.23\]](#).

Вместе с тем в плоской онтологии АСТ теряет смысл и классическая дилемма: действует ли индивид свободно или определяется структурой. Агентность не предшествует сети, а возникает в ней. Актор, будь то человек, организация или прибор, обладает способностью действовать только благодаря сети, в которую он встроен и которую он сам (вместе с другими) поддерживает или преобразует. Структура – это не внешняя сила, а эффект устойчивости сети связей между множеством акторов [\[23, p.43-46\]](#). Агентность распределена и реляционна, и поэтому она требует твердой приверженности релятивизму. Можно ли считать такую реляционную онтологию плоской? Латур, проводя аналогию между сетями и ризомой, описывает сетевое пространство как топологическое, чья размерность определяется количеством узлов связи [\[42, c.176-177\]](#). Ключевым условием для анализа процесса создания и поддержания этих измерений он считает принципиальную «плоскостность» социальной онтологии. В противовес традиционным трехмерным метафорам (например, сферам), Латур предлагает использовать двумерную проекцию из линий, способную вместить любые объекты, вступающие в сетевые взаимодействия [\[37, c.241\]](#).

Необходимо подчеркнуть, что сфера предполагает четкие границы, внутреннюю однородность (все внутри сферы подчиняется одним законам) и иерархическую организацию (сферы могут быть вложены друг в друга или подчинены друг другу: экономика, политика, культура). Сеть же, по логике Латура, способна адекватно описывать плоский мир ассоциаций [\[39, p.796\]](#). Сеть не имеет предзаданного размера или формы. Она определяется только своими связями. Где заканчивается сеть, обеспечивающая работу простого дверного доводчика? Она включает инженеров, металл, законы физики, пользователей, строительные нормы, производителей стали и т.д. Граница всегда подвижна и условна [\[23, p.205-207\]](#). Сеть неизменно состоит из самых разных акторов: людей, артефактов, текстов, организмов, институтов. Именно эта гетерогенность и есть ее суть. В сети нет центра или вершины. Важность актора определяется не его сущностью, а его позицией и ролью в поддержании связей в конкретной ситуации. Любой актор может стать узлом, через который проходит множество связей. Сети постоянно находятся в процессе сборки, пересборки, разрушения. Они не статичны. Стабильность сети – это временное достижение, результат работы по поддержанию связей. В результате понятие сети в АСТ – это не просто инструмент анализа, а онтологический принцип, утверждающий мир без предустановленных границ и иерархий, мир как бесконечный процесс установления и переустановления связей между гетерогенными акторами. Исчезновение границ – не хаос, а признак сложности и взаимосвязи.

Очевидно, что деконструкция бинарностей через призму плоской онтологии Латура – это не просто интеллектуальная игра. Это радикальный пересмотр методологии социальных наук и нашего понимания реальности. Онтологическое уравнивание человеческих и нечеловеческих акторов заставляет нас признать материальность и действенность мира вещей в формировании социального порядка. Отказ от макро/микро – дихотомии фокусирует внимание на практиках масштабирования, как локальные взаимодействия превращаются в глобальные феномены и наоборот. Понимание агентности как сетевой и распределенной подрывает представления о всемогущем автономном субъекте и о фатальной власти структуры. Исчезновение границ в латуровской Вселенной – это призыв к эмпирической слежке за реальными связями, за тем, как акторы собираются вместе, создавая гибриды и сети, а также в конечном итоге то, что мы смутно называем обществом или реальностью. Это призыв видеть мир не как набор предзаданных сфер, управляемых своими законами, а как плоское поле непрерывной медиации, где человеческие и нечеловеческие силы сплетаются в сложные и изменчивые ассоциации, постоянно переопределяя самих себя и границы между собой. Плоская онтология у Латура не упрощает мир. Она признает его фундаментальную сложность, укорененную в исчезновении старых, удобных, но обманчивых границ.

Отсюда следует, что плоская онтология конституирует не только иерархии и бинарные оппозиции, но и иллюзию замкнутости. Замкнутость (представление о предзаданных сущностях с устойчивыми границами) – это продукт модернистского мышления, концептуальная рамка, требующая деконструкции. Ее мнимая противоположность – «открытость», которая также некорректна, поскольку сама оппозиция «закрытое/открытое» теряет смысл. Вместо этого реальность конституируется гетерогенными сетями ассоциаций между равными акторами (люди, вещи, концепции), где границы («внутри/снаружи») лишь временные, подвижные результаты текущих взаимодействий и конфликтов. Суть подхода – методологическая плоскость: «следовать за акторами» без предзаданных категорий, видя реальность как двумерную проекцию связей (актанты и их медиации). Это растворяет традиционные границы в текучих

гибридных сборках, постоянно пересобираемых через связи и переводы. Следствие: акцент смещается с объяснения структурами или иллюзорной замкнутостью/открытостью на эмпирическое проследивание самих сетей, а именно того, как ассоциации устанавливаются, поддерживаются и рушатся. Это открывает социальное как перформативный процесс внутри гетерогенной ризомы.

Таким образом, плоская онтология Латура обеспечила мощный инструмент для деконструкции устоявшихся бинарностей и анализа гибридности современного мира. Однако ее сила в описании процессов ассоциации оборачивается слабостью в объяснении устойчивости структур, нормативной оценке и явной политической программе, что остается предметом активной дискуссии и критики со стороны альтернативных социологических и философских традиций. В этом случае наиболее системные возражения против плоской онтологии Латура концентрируются на ее неспособности концептуализировать устойчивость социальных структур и отсутствии нормативных оснований для критики власти. Как отмечает социолог М. Арчер^[43,p.76-82], отрицание АСТ эмерджентных свойств социальных систем ведет к игнорированию того, как институты (государство, рынок) обретают относительную автономию от конкретных акторных сетей и начинают принудительно влиять на действия индивидов («морфогенетический цикл»). Эта слепота к макроструктурной инерции делает АСТ беспомощной перед анализом долгосрочного воспроизводства неравенства или институционального расизма, которые не сводятся к сиюминутным «ассоциациям»^[44]. Параллельно возникает проблема нормативного вакуума^[45]: радикальный релятивизм АСТ, отказывающийся от априорных критериев оценки, лишает исследователя инструментов для различения «демократической» и «тоталитарной» сборки сетей. Латур блестяще описывает «парламент вещей», но молчит о том, кто и как должен разрешать их споры^[41,p.148]. Фундаментальное ограничение здесь – редукция политического к онтологическому, где критика власти подменяется картографией ассоциаций. Это особенно проблематично в контексте антропоцена^[46]: если озоновая дыра – всего лишь «гибрид» собранный учеными, политиками и приборами, то исчезают основания для приоритетной борьбы с экологической катастрофой перед лицом, например, экономических сетей, ее порождающих. Поэтому деконструкция бинарностей, оставаясь эвристически мощной, оборачивается теоретическим люфтом в объяснении устойчивого господства и выработке этических ориентиров.

Онтологические горизонты открытости: сравнительный анализ

моделей Лумана, Симондона и Латура

Итак, радикальный онтологический разрыв с субстанциализмом в современной философии, подготовленный А.Н. Уайтхедом^[47], сегодня конституируется, как правило, через три принципиальные стратегии мысли: операциональную замкнутость автопоэтических систем Н. Лумана, доиндивидуальное становление Ж. Симондона и плоскую онтологию ассамбляжей Б. Латура в рамках акторно-сетевой теории. Их объединяет отказ от статичных сущностей в пользу операциональности (механизмы воспроизводства сложности), процессуальности (темпоральность изменений) и ассоциации (природа связей). Другими словами, традиционные бинарные оппозиции субъект/объект, природа/культура, открытость/закрытость теряют свою самоочевидность, становясь предметом радикального переосмысления. На этом фоне контраст между тремя ключевыми подходами к пониманию динамики границ бытия – системной замкнутостью Лумана, доиндивидуальным становлением Симондона и радикальным отказом от

бинарности в акторно-сетевой теории Латура обретает не просто теоретическую остроту, но и глубокую экзистенциальную актуальность. Именно радикальность разрыва каждого из этих подходов с самими основаниями классической дискуссии о границах делает их систематическое сопоставление столь насущным и новым. При этом, как показывают М. Хайдеггер^[48] и Дж. Дьюи^[49], такой сдвиг всегда требует пересмотра самих оснований онтологии и социологии. Настоящий анализ выявляет как сравнительная логика этих моделей, преодолевая бинаризм Канта («вещь-в-себе» и феномен) и редукционизм Э. Дюркгейма (социальные факты), предлагает новые инструменты для осмысления гибридности антропоцена.

Фундаментальные различия между тремя подходами наиболее явно прослеживаются в их трактовке природы сущего и онтологического статуса границ. Для Лумана сущее конституируется операционально замкнутыми системами, чье бытие определяется автопоэзисом (самовоспроизводством) через специфические внутренние операции. В противоположность этому Симондон помещает в центр анализа процесс индивидуации, исходящий из метастабильного доиндивидуального поля, где бытие понимается как непрерывное становление. Латур же радикально переосмысливает саму основу, описывая реальность как состоящую из динамичных гетерогенных ассамблеж (сетей, ассоциаций), формируемых связями между разнородными акторами. Это порождает контраст между моделью системной замкнутости (Луман), акцентом на динамическом становлении (Симондон) и приматом сетевой гетерогенности (Латур). Не менее значимо их расхождение в понимании границ: Луман утверждает их конститутивную роль как различения системы и среды, определяющего саму возможность существования системы. Симондон, напротив, рассматривает границы как текущие и относительные результаты процесса индивидуации, подчеркивая онтологическую первичность открытости доиндивидуального поля. Латур же предлагает наиболее радикальную позицию, трактуя границы исключительно как временные и неустойчивые эффекты перформативной работы сети по сборке, стабилизации и удержанию элементов ассамблежа.

Кроме того, расхождение между подходами проявляется и в их отношении к оппозиции открытости/закрытости и онтологическому статусу границ. Луман принимает бинарность как конститутивную, однако радикально переосмысливает ее, демонстрируя их диалектическую взаимозависимость: операциональная замкнутость автопоэтических систем выступает необходимым условием возможности их структурной открытости к среде. Симондон, напротив, смещает фокус за пределы самой бинарности, помещая в онтологический центр процесс доиндивидуального становления (индивидуации). Здесь открытость метастабильного поля первична, а любая относительная закрытость сформировавшегося индивида – лишь временное и преходящее состояние, побочный продукт непрерывного процесса. Наиболее радикальную позицию занимает Латур, чья акторно-сетевая теория полностью отвергает бинарность открытого/закрытого как ложную и нерелевантную абстракцию. Границы трактуются исключительно как перформативный и неустойчивый эффект текущей работы сети по стабилизации гетерогенного ассамблежа, существующего в континууме ассоциаций. В результате контраст простирается от диалектики внутри признаваемой бинарности (Луман) через онтологический примат открытости и процессуальности (Симондон) к полному отрицанию бинарности как таковой и релятивизации границ (Латур).

Несмотря на глубокие различия, эти три парадигмы обнаруживают значимые точки схождения и взаимодополнительности, формируя общее поле критики классических метафизических предпосылок. Во-первых, все они единодушно отвергают представление о мире как совокупности предзаданных статичных сущностей с фиксированными

свойствами и неизменными границами. Во-вторых, каждая из теорий осуществляет онтологический сдвиг от субстанции к процессам и отношениям как фундаментальным основаниям реальности: у Лумана это самовоспроизводящиеся операции и структурное сопряжение системы и среды; у Симондона – непрерывный процесс индивидуации; у Латура – практики сборки, трассирования и стабилизации связей в сетях. В-третьих, они предлагают взаимодополняющие объяснительные механизмы для динамики стабильности и изменчивости сложных образований: Луман через автопоэзис и избирательное структурное сопряжение; Симондон через метастабильность и разрешение напряженностей в фазах индивидуации; Латур – через перформативную работу сетей по мобилизации и удержанию акторов. Наконец, эти подходы имеют глубокий экзистенциальный резонанс, совместно подрывая классические представления о человеческой автономии и твердых границах «Я», раскрывая нашу имманентную встроенность в системные, процессуальные и сетевые контексты бытия. Эта взаимодополнительность усиливает их совокупный эвристический потенциал для анализа сложности современного мира.

Таким образом, каждая из трех анализируемых парадигм предлагает уникальный и незаменимый эвристический инструментарий для осмысления многомерной сложности современного мира. Теория автопоэтических систем Лумана предоставляет ключевые категории для анализа институциональной сложности и функциональной дифференциации общества. Она позволяет понять, как различные социальные системы (политика, экономика, право, наука) операционально замкнуты, автономно обрабатывают комплексность среды через свои специфические коды и программы и как именно это порождает риски коммуникативных сбоев и структурного несоответствия между системами. Ярким примером служит интерпретация экологического кризиса как следствия неадекватного структурного сопряжения между научными истинами, экономическими императивами и политическими решениями. Напротив, процессуальная онтология Симондона незаменима для исследования динамики идентичности коллективных становлений (социальные движения, сообщества) и антропотехнических симбиозов. Ее концептуальный аппарат дает язык для описания того, как новые технологии или социальные практики запускают процессы индивидуации, дестабилизируя устоявшиеся формы и порождая новые конфигурации субъективности и коллективности, что иллюстрируется феноменом цифровой идентичности как новой фазы индивидуации. В свою очередь, акторно-сетевая теория Латура демонстрирует свою исключительную силу при исследовании гибридных феноменов, где традиционные границы между природным, социальным и техническим радикально размыты (изменение климата, пандемии, цифровые платформы). Ее методология позволяет эмпирически проследить конкретные связи и практики, посредством которых собираются и стабилизируются такие ассамбляжи, выявляя точки напряжения и потенциальной пересборки, как в случае трассирования сети, превращающей научный факт о климате в политическую силу.

Поэтому взаимодополняемость этих подходов формирует мощную концептуальную экосистему для анализа современности. В то время как лумановская оптика фокусируется на макродинамике институциональных логик и системных рисков, Симондон дает микроуровневое понимание трансформаций индивидуальности и коллективности в их процессуальной незавершенности. Латуровская же АСТ предлагает мезоуровневую методологию для эмпирического картирования конкретных гибридных образований и траекторий их сборки. Следовательно, они не конкурируют, а взаимно обогащают друг друга: системный анализ Лумана объясняет структурные условия возможности гибридных феноменов, которые детально исследует АСТ; процессуальная онтология Симондона

раскрывает антропологическое измерение и динамику субъектных трансформаций, происходящих под давлением системных императивов (Луман) и в узлах гибридных сетей (Латур). Эта совокупная аналитическая сила позволяет адекватно схватывать многослойность социальной реальности от глобальных институциональных паттернов и межсистемных коллизий до конкретных практик сборки гибридных миров и переживания индивидами собственной трансформирующейся идентичности в условиях радикальной сложности антропоцена.

Заключение

Сопоставление системной теории Лумана, процессуальной онтологии Симондона и акторно-сетевой теории Латура в контексте проблемы открытости/закрытости открывает не просто теоретический ландшафт, а настоящую онтологическую карту современного мышления. Луман учит нас видеть автономию и избирательность сложных систем, Симондон – принять текучесть и незавершенность бытия как норму, Латур – развеять иллюзию четких границ и увидеть мир как ткань из бесконечных ассоциаций. Эти подходы не столько конкурируют, сколько взаимодополняют друг друга, предлагая разные горизонты понимания одной и той же экзистенциальной ситуации: как существовать в мире, где старые опоры рухнули, а границы стали проницаемы и текучи. Их эвристическая сила заключается именно в этом плюрализме. Понимание динамики «закрытости» и «открытости» как системной необходимости (Луман), процессуального условия (Симондон) или сетевого эффекта (Латур) является не просто академическим упражнением. Это ключ к осмыслению нашей собственной позиции в усложняющемся социальном мире, где мы одновременно и автономные операторы, и незавершенные проекты, и узлы в бесконечных сетях. Онтологический плюрализм становится не просто теорией, а необходимым условием для навигации в мире без четких, жестких границ.

Библиография

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. EDN: RAYTKJ
2. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
3. Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Институт Гайдара, 2021. 408 с.
4. Морен Э. О сложности. М.: ИОИ, 2019. 282 с.
5. Аршинов В.И., Свирский Я.И. Сложностный мир и его наблюдатель. Ч. 1-я // Философия науки и техники. 2015. № 2. С. 70-84. EDN: VCVPHD
6. Ивахненко Е.Н. Хрупкий мир через оптики простоты и сложности (Ч. 1) // Образовательная политика. 2020. № 3 (83). С. 10-19. DOI: 10.22394/2078-838X-2020-3-10-19 EDN: MTTZUP
7. Ивахненко Е.Н. Хрупкий мир через оптики простоты и сложности (Ч. 2) // Образовательная политика. 2020. № 4 (84). С. 16-27.
8. Керимов Т.Х., Красавин И.В. Сложность – общая, ограниченная и организованная: проблема, методология и основные понятия // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12. № 2. С. 108-119. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.06 EDN: WRRJCX
9. Саяпин В.О. Техносоциальная сложность как проблема индивидуации: взгляд Жильбера Симондона // Философская мысль. 2025. № 7. С. 85-107.
10. Maturana H.R., Varela F.J. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living, Boston Studies in the Philosophy of Science. Dordrecht, 1980. Vol. 42. 171 p.
11. Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность. М.: V A C Press, 2020. 400 с.
12. Ивахненко Е.Н. От аутопоэзиса социальной коммуникации к аутопоэзису "живых машин" // Философия коммуникации: феномен коммуникации в познании и творчестве

жизни. Сборник статей. СПб. 2014. С. 42-50. EDN: SWZFDV

13. Саяпин В.О. Рекурсия как способ самоорганизации современного социума. Воронеж: Вестник ВГУ. Сер. Философия. 2023. № 3. С. 62-67. EDN: SRUPMZ

14. Саяпин В.О. Контингентность и метастабильность как концепты самоорганизации современного социума // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. Воронеж, 2024. № 2. С. 47-53. EDN: XRPMKZ

15. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 648 с. EDN: QOHQND

16. Luhmann N. Introduction to Systems Theory. Malden: Polity, 2013. 284 p.

17. Luhmann N. On the scientific context of the concept of communication // Social Science Information. 1996. № 35 (2). P. 257-267.

18. Luhmann N. Theory of Society. Volume I. Stanford: Stanford University Press, 2012. 488 p.

19. Maturana H.R., Varela F.J. The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding. Boston: Shambhala, 1987. 263 p.

20. Chomsky N. On certain formal properties of grammars // Information and control. 1959. Vol. 2(2). P. 137-167.

21. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. Berlin and New York: De Gruyter, 1993. 236 p.

22. Rosa H. Resonance: A Sociology of Our Relationship to the World. Cambridge: Polity Press, 2019. 450 p.

23. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford, UK: Oxford UP, 2005. 312 p.

24. Braidotti R. Posthuman Knowledge. Cambridge: Polity Press, 2019. 210 p.

25. Habermas J. Political Communication in Media Society // Communication Theory. 2006. Vol. 16(4). P. 411-426.

26. Simondon G. L'individu et sa genèse physico-biologique. Paris: Presses universitaires de France, 1964. 304 p.

27. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.

28. Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989. 293 p.

29. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. 266 p.

30. Simondon G. Communication et infomation. Paris: PUF, 2015. 411 p.

31. Virno P. Déjà Vu and the End of History. London: Verso, 2015. 200 p.

32. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 128 с.

33. Stiegler B. The Neganthropocene. London: Open Humanities Press, 2018. 349 p.

34. Deleuze G. Desert Islands and Other Texts 1953–1974. L.: Distributed by the MIT Press, 2004. 323 p.

35. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1998. 384 с. EDN: TCNXLB

36. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.

37. Латур Б. Пастер. Война и мир микробов, с приложением "Несводимого". СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.

38. Latour B. On actor-network-theory: A Few Clarifications plus more than a few Complications // Soziale Welt. 1999. Vol. 47. P. 369-381.

39. Latour B. Network, societies, spheres: Reflection of an actor-network theorist // International journal of communication. 2011. Vol. 5. Pp. 796-810.

40. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Издательство Гиле Пресс, 2015. 152 с.

41. Blok A., Jensen T.E. Bruno Latour: Hybrid Thoughts in a Hybrid World. London, Routledge, 2011. 208 p.
42. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. Т. 27. № 1. С. 173-200. EDN: WABGMB
43. Archer M. Realist Social Theory: morphogenetic approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 392 p.
44. Elder-Vass D. Searching for Realism, Structure and Agency in Actor-Network Theory // The British Journal of Sociology. 2008. Vol. 59(3). P. 455-473.
45. Winner L. Do Artifacts Have Politics? // Daedalus. 1980. Vol. 109(1). P. 121-136.
46. Hamilton C. Defiant Earth: The Fate of Humans in the Anthropocene. Polity, 2017. 185 p.
47. Whitehead A.N. Process and reality an essay in cosmology; Gifford lectures delivered in the University of Edinburgh during the session 1927-28. New York: The Macmillan Company, University Press, 1929. 547 p.
48. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Издательство "Ad Marginem", 1997. 451 с.
49. Dewey J. Experience and nature. Chicago, London: Open Court Publishing Company, 1925. 443 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья представляет собой обстоятельное и обстоятельно аргументированное сопоставление трёх значимых философских подходов к проблематике открытости и закрытости систем — концепции автопоэтических систем Никласа Лумана, процессуальной онтологии Жильбера Симондона и плоской онтологии Бруно Латура. Автор демонстрирует глубокое понимание каждой из этих теорий и умело раскрывает их ключевые идеи, выявляя как точки соприкосновения, так и принципиальные различия. Особенно ценна попытка показать, что данные подходы не столько конкурируют, сколько отражают разные уровни и масштабы анализа социальной реальности, что способствует развитию стратегического плюрализма в философском осмыслении сложных систем.

Тем не менее, несмотря на очевидную теоретическую глубину и широкий охват, статья имеет ряд методологических и стилистических недостатков, которые снижают ее научную убедительность и удобство для восприятия читателем. Во-первых, текст избыточно нагружен цитатами и подробными историко-философскими реконструкциями, что создает впечатление переизбытка и местами отвлекает от основной проблематики. Излишняя детализация приводит к тому, что ключевые аргументы теряются в потоке информации, а читатель вынужден прилагать значительные усилия для выделения главного. Более строгая структуризация и сокращение вспомогательных материалов улучшили бы восприятие и позволили бы сосредоточиться на критическом анализе.

Во-вторых, автор недостаточно критически осмысливает ограничения и внутренние противоречия каждого из представленных подходов. Например, концепция Лумана, несмотря на ее новаторство, порождает парадокс «слепого пятна» систем, однако в статье не раскрывается, каким образом современные исследования пытаются преодолеть или смягчить эти ограничения. Аналогично, у Симондона и Латура имеются спорные моменты, связанные с применимостью их онтологий к конкретным эмпирическим ситуациям, что остается без должного обсуждения. Включение критических перспектив и альтернативных точек зрения сделало бы анализ более сбалансированным и научно зрелым.

Кроме того, статья могла бы выиграть от более четкого определения ключевых понятий и терминов, особенно в части «открытости» и «закрытости», поскольку их смысл существенно варьируется в разных контекстах. Это помогло бы избежать неоднозначностей и повысить точность аргументации. Также было бы полезно дополнить теоретическое сопоставление конкретными примерами из современной социальной практики или технологий, что позволило бы лучше иллюстрировать применимость и ограниченность каждой теории.

В целом, статья представляет собой значимый вклад в философскую дискуссию о природе социальных систем и их онтологии, демонстрирует широкую эрудицию и глубокое понимание сложных концепций. Однако для публикации в журнале «Философская мысль» ей необходима доработка в части стилистики, структурирования материала и усиления критического анализа, а также более ясного и лаконичного изложения основных идей. Автору рекомендуется пересмотреть баланс между описательной и критической частями, уделить внимание современным дискуссиям вокруг представленных теорий и обогатить работу эмпирическими иллюстрациями, что повысит её научную ценность и привлекательность для широкой философской аудитории.

Конкретные рекомендации по пунктам:

1. Предмет исследования

Четко сформулировать предмет и цель статьи в введении, акцентируя внимание на сравнительном анализе трех философских концепций открытости и закрытости систем.

2. Методология исследования

Артикулировать методологический подход, включая критерии сопоставления и анализ сильных и слабых сторон каждой теории, а также добавить элементы критической рефлексии.

3. Актуальность

Подчеркнуть значимость темы в контексте современных социальных и философских исследований, а также её прикладное значение для понимания сложных систем.

4. Научная новизна

Выделить уникальность сопоставления трех методологических подходов и показать, как их интеграция способствует развитию системной философии.

5. Стил, структура, содержание

- Сократить избыточные историко-философские детали, чтобы повысить читаемость.
- Улучшить структуру: четко разграничить разделы, выделить ключевые аргументы.
- Использовать более лаконичный и понятный язык, избегать перегруженности терминологией.
- Включить примеры из современной социальной практики для иллюстрации теоретических положений.

6. Библиография

Обновить и расширить список литературы современными источниками, включая критические исследования и эмпирические работы, чтобы подкрепить аргументацию.

7. Апелляция к оппонентам

Включить обзор и критику альтернативных точек зрения, обозначить ограничения рассматриваемых теорий, что усилит научный диалог.

8. Выводы, интерес читательской аудитории

Емко сформулировать выводы, акцентируя значение работы для философов, социологов и специалистов по теории систем – это повысит её привлекательность и практическую ценность.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена сравнительному философскому анализу трех концептуальных подходов к проблеме открытости и закрытости в современной онтологии и социальной теории. Автор исследует диалектику замкнутости/открытости в системной теории Н. Лумана, процессуальную философию индивидуации Ж. Симондона и плоскую онтологию акторно-сетевой теории Б. Латура. Предметом становится не просто сопоставление концепций, но выявление фундаментальных онтологических различий в понимании природы границ, систем и процессуальности бытия.

Методология исследования

Автор применяет методологию сравнительного концептуального анализа, дополненную элементами систематического философского синтеза. Работа построена на основе имманентной реконструкции каждого из подходов с последующим выявлением точек напряжения и потенциального диалога между ними. Методологически ценным является стремление не к эклектическому сочетанию теорий, а к выявлению их взаимодополнительности через анализ различных аспектов сложности современной реальности.

Однако методологическая база могла бы быть усилена более четким обоснованием критериев сравнения и более систематическим применением историко-философского контекста для каждого из анализируемых подходов.

Актуальность

Актуальность исследования бесспорна и многомерна. Во-первых, в условиях онтологического плюрализма современной философии и социальных наук назрела потребность в систематическом сопоставлении альтернативных концептуальных стратегий. Во-вторых, проблематика границ, систем и процессуальности становится критически важной в эпоху антропоцена, где традиционные границы между природным, социальным и техническим радикально размыты. В-третьих, теоретическая актуальность подкрепляется практической значимостью для анализа современных гибридных феноменов - от экологических кризисов до цифровых платформ.

Особенно важным представляется утверждение автора о том, что эти подходы обретают "экзистенциальную актуальность", поскольку касаются фундаментальных вопросов о том, как существовать в мире с проницаемыми и текучими границами.

Научная новизна

Научная новизна работы заявляется автором в трех аспектах, и эти заявления в целом обоснованы:

1. Систематическое трехстороннее сопоставление: действительно, в отечественной литературе отсутствует столь детальный и сфокусированный анализ всех трех подходов в едином исследовательском поле.
2. Выявление "точек напряжения": автор успешно демонстрирует не только различия, но и специфические зоны потенциального диалога между теориями, которые обычно рассматриваются изолированно.
3. Интегративный подход: предложение рассматривать сильные стороны каждого подхода как взаимодополняющие элементы более гибкой системной философии представляет собой оригинальный исследовательский вклад.

Однако некоторые аспекты "новизны" могли бы быть представлены более четко, особенно в отношении конкретных результатов, полученных в ходе сравнительного анализа.

Стиль, структура, содержание

Структура работы логично выстроена: после проблематизирующего введения автор последовательно анализирует каждый из трех подходов, завершая сравнительным анализом и выводами. Структурная ясность способствует пониманию сложного материала.

Стиль отличается высокой концептуальной насыщенностью и терминологической точностью. Автор демонстрирует глубокое знание предмета и способность к ясному изложению сложных философских концепций. Однако местами стиль становится излишне перегружен специальной терминологией, что может затруднить восприятие.

Содержание характеризуется высоким уровнем теоретической проработки. Автор убедительно демонстрирует понимание внутренней логики каждого из анализируемых подходов. Особенно ценными являются разделы, посвященные критическим ограничениям каждой теории.

Вместе с тем, некоторые содержательные аспекты нуждаются в доработке: иногда изложение становится излишне схематичным, а примеры (цифровые платформы, экологические кризисы) используются скорее иллюстративно, чем аналитически.

Библиография

Библиография демонстрирует широкую эрудицию автора и включает как классические работы (Луман, Симондон, Латур), так и современные исследования. Положительно оценивается привлечение как зарубежных, так и отечественных источников.

Однако библиография имеет некоторые недостатки:

- Недостаточно представлены критические работы по каждому из анализируемых авторов
- Отсутствуют некоторые важные исследования по проблематике границ и систем в современной философии
- Мог бы быть расширен корпус источников по методологии сравнительного философского анализа

Апелляция к оппонентам

Автор корректно представляет критические позиции в отношении каждого из анализируемых подходов. Критика системной теории Лумана через призму работ Х. Розы, критические замечания П. Вирно относительно Симондона, возражения М. Арчер против АСТ Латура - все эти позиции представлены объективно и используются конструктивно.

Вместе с тем, апелляция к оппонентам могла бы быть более систематической. Автор в большей степени представляет критику, чем вступает в полноценную дискуссию с оппонентами, что снижает полемический потенциал работы.

Выводы и интерес для читательской аудитории

Основные выводы работы четко сформулированы и обоснованы:

1. Все три подхода объединяет отказ от статичной субстанциональной онтологии в пользу процессуальности, операциональности и реляционности
2. Каждый подход предлагает уникальный эвристический инструментарий для анализа различных аспектов сложности
3. Взаимодополнительность подходов формирует мощную концептуальную экосистему для анализа современности

Работа представляет значительный интерес для широкой философской аудитории:

- Специалисты по социальной философии найдут в ней систематическое изложение ключевых современных подходов
- Исследователи сложности получат концептуальные инструменты для анализа современных гибридных феноменов
- Философы, интересующиеся онтологической проблематикой обнаружат оригинальную

постановку вопроса о статусе границ в современной мысли

Общая оценка и рекомендации

Статья представляет собой качественное философское исследование, вносящее заметный вклад в понимание ключевых тенденций современной онтологии и социальной теории. Высокий теоретический уровень, оригинальность постановки проблемы и систематичность анализа делают работу ценной для философского сообщества.